

Чем более активно действуют «хизбии» в тех или иных странах и регионах, тем сильнее и противодействие им со стороны государственных правительственных органов и демократической общественности. Да и основная масса верующих-мусульман не разделяет их экстремизм, не поддерживает их гегемонистские амбиции. Особенно это характерно для мусульман России, многонациональной и поликонфессиональной страны, где сосуществование верующих разных народов и религий имеет многовековые традиции. К тому же большинство руководителей исламских организаций России не только не разделяют взгляды и цели мусульманских экстремистов, но и осуждают их.

Будущее «Хизб-ут Тахрира» зависит от того, какие силы смогут остановить его религиозный радикализм, воспрепятствовать его гегемонистским амбициям. Станет ли «Партия освобождения ислама» вторым изданием «аль-Каиды», или это не произойдет, покажет время...

И. Б. Гарифуллин, А. П. Ярков

ИСЛАМ В ТЮМЕНСКОМ КРАЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье рассказывается об истории ислама в Тюменском крае.

Ключевые слова: ислам, история ислама, Тюмень.

Процесс проникновения ислама в Западную Сибирь был длительным. Первоначально он насаждался в конце XIV в. насильственно, о чем говорят дошедшие до нас исторические документы и народные предания. В Тобольском краеведческом музее сохранились рукописи, написанные Саидом Вакасом Аллакуловым и Кашшафом Абу-Саидовым. Они были переведены на русский язык и опубликованы в Н. Ф. Катановым под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев в Западной Сибири»[1]. Эти народно-краеведческие сочинения, основанные на легендах, устных рассказах, родословных, проливают свет на историю появления ислама в тоболо-иртышском регионе и на деятельность миссионеров. Религиозная война, о которой идет речь в этих преданиях – лишь эпизод в сложном процессе исламизации населения юга Западной Сибири.

Согласно преданиям, по берегам Иртыша не осталось ни оврага, ни берегов речек, болот, озер, где бы ни шли сражения. В одной

из рукописей указывается, что только из числа воинов хана Шейбани погибло 1448 чел. В результате насильственной исламизации часть местного населения приняла ислам, а часть сбежала в Китай. Хан Шейбани отправился с остальными 252 воинами в Среднюю Орду (в степь), где уже стал Вали-ханом (Священным ханом). Так в Западной Сибири стал утверждаться ислам.

Однако, провозглашение веры (как описывается в преданиях), еще не означало, что она повсеместно внедрялась. Вероятно, ее первоначально принимала лишь часть населения, жившая преимущественно оседло по берегам Иртыша. Представители местной знати – Тайбугиды, ногайские мурзы и другие феодальные группировки могли принять ислам первыми, хотя необходимо отметить: междоусобная борьба за господство в регионе не способствовала объединению тюрко-язычного населения.

В рукописях сохранились так же сведения о том, как через тюркское население в конце XIV в. ислам начал распространяться и среди части угорского населения (ханты, манси), что способствовало их сближению с предками сибирских татар. Но процесс исламизации среди угров был ограниченным – из-за особенностей их образа жизни: «требования магометанского закона могли выполняться ими лишь с большим трудом». Да и разница в языке препятствовала проповедям миссионеров [2].

О прочных связях тюркских племен Западной Сибири с обскими уграми говорит и то, что в культуре сибирских тюрков (прежде всего заболотных) фиксируется немало черт, близких архаичным верованиям соседей: почитание деревянных антропоморфных идолов; культ медведя (существование «медвежьего» рода, специальных церемоний при добыче медведя, «медвежьей присяги» и т. д.); почитание «священных деревьев»; запрет на употребление в пищу щуки и др. Интересно, что современным татарским населением Заболотья термин «истяк» или «иштяк» (близкий дореволюционному наименованию ханты – остяк) употребляется относительно локальных групп татар, подвергшихся христианизации [3]. Нельзя не обратить внимания и на тот, что в лексике ханты немало тюркских (татарских) слов и наоборот.

Массовое обращение в ислам населения разворачивается позднее, когда в Сибири устанавливаются постоянные торговые караванные пути, по которым пришли более исламизированные жители Центральной Азии – т. н. бухарцы, в состав которых входили узбеки, таджики, казахи, уйгуры, со временем ассимилированные сибирскими татарами. Во II половине XVI в. – в период Сибирского ханства ислам стал государственной религией. Об этом говорят многие предания и воспоминания. Так, в конце XIX в. В. В. Радловым со слов ишимских

и тобольских татар были записаны предания, которые послужили ученому основой для написания двух статей. Там были реконструированы события 1570 г., когда по приглашению сибирского хана Кучума и его брата Ахмед-Гирея (одно время был соправителем Сибирского ханства) из Бухары в Сибирь прибыло большое число сеидов и шейхов. Приняты они были с почестями и устроены по тюркским селениям. Некоторые миссионеры остались на сибирской земле и с тех пор места их захоронений почитаются населением как священные. Они называются астана (с арабского – порог двери, вход во дворец). В старинных рукописях на территории нашего края упоминаются около 50 астана [4].

Исследования ученых и полевые этнографические материалы показывают, что предания о религиозных войнах, проповедниках и наставниках, прибывших в Сибирское ханство, сохранились в народе. Так, в XIX в. на вопрос, почему татары отказались от шаманства и не приняли христианство, оригинален ответ одного татарина русскому миссионеру: «Когда нашим предкам не хотелось следовать шаманизму, то они перестали ... думать о всякой религии. И вот в это самое время приходят из Бухары, Самарканда и Казани мусульмане с целой пачкой книг, заставляют наших людей делать пятикратные намазы, соблюдать пост, совершать омовение, давать милостыню, ходить в Мекку, быть мусульманами. Так мы сделали мусульманами, а татарские чиновники и священники, люди очень почтенные и преклонные ... нам о веровании в Гайсу (Иисуса) ничего не говорили [5].

Внедрение ислама знаменовало важные изменения в политической и этнической жизни сибирских татар – во II половине XVI в. ускоряется процесс их этноконсолидации. В период своего правления Кучум строгое единобожие (монотеизм) ислама использовал для укрепления государственной власти и объединения отдельных улусов во главе с беками, салтанами, мурзами (князьками).

Ислам играл огромную роль в культуре региона, т. к. содержал определенные нравственно-правовые нормы, освещал многие традиции и обычаи населения. Ислам принес в край письменность, основанную на арабской графике, которая просуществовала до конца 1920 гг., когда ее заменили на латиницу, а затем на кириллицу.

В период II половины XVI в., совпадающим с присоединением Сибири и укреплением позиций Русского государства, начинается постепенный процесс вытеснения ислама из тех сфер общественной жизни регионов, где он в той или иной форме привился ранее. Однако международные интересы государства, имеющего договорные отношения с другими странами с мусульманским населением, вынуждали царское правительство действовать гибко, проявляя возможную

осторожность в отношении собственных мусульман. Было разрешено свободное переселение в Сибирь бухарцев, ставших оседать в Бухарских слободах городов. Как более образованные, в т. ч. в вопросах веры, они стали расширять свое влияние на местных мусульман.

Необходимо отметить, что в тот период православие выступало в качестве государственной религии, а политика насильственной христианизации ослабила позиции ислама в Сибири. Это особенно стало заметно в I половине XVIII в., когда Петр I задачу укрепления царской власти решал и средствами религиозного воздействия. Так, в декабре 1714 г. Петр I дает распоряжение тобольскому митрополиту Филофею (Лещинскому): на местах проживания вогулов, остяков, татар, тунгусов и якут все учреждения религиозного культа уничтожить (сжечь), а их самих христианизировать. В результате Филофеем в 1718–1720 гг. было проведено насильственное крещение туринских татар.

Притеснения усиливаются, когда в ноябре 1742 г. правительство издает указ о ликвидации многих существующих мечетей и устанавливает запрет на их новое строительство. В 1744 г. указом Елизаветы Петровны сибирским мусульманам запрещалось иметь мечети в населенных пунктах со смешанным населением: в результате в Тобольском уезде были снесены 66 из 89 мечетей, а в Тюменском – 19 из 32 [6].

Несмотря на протесты и жалобы татарского населения усиливается их насильственная христианизация. Так, в 1749–1758 гг. в Тобольской губернии было обращено в христианство 2 500 татар обоего пола [7]. В результате, спустя 100 с лишним лет – по материалам IV ревизии (1872 г.) в г. Тюмени и уезде числилось 84 души мужского и 89 душ женского пола новокрещеных татар. В Туринском уезде в это же время ясажных крещеных татар числилось 128 душ мужского и 137 душ женского пола [8].

О культивируемой отдельными православными иерархами неприязни к мусульманам сказано так: «Русские и татары прекрасно уживались друг с другом. Но близкое соседство православных с мусульманами очень беспокоило церковь. Во время крестных ходов татары стояли на улицах в шапках и со смехом наблюдали за необычным для них зрелищем, нарушали «чин» христианского богослужения. Муллы переманивали в свою веру «инородцев», принявших православие. Не очень уверенные в религиозной стойкости своей паствы, митрополиты Павел I, Филофей Лещинский предлагали разрушить мечети и выселить татар за пределы города. Но правительство отклоняло эти предложения. Царь не хотел восстанавливать против себя мусульман, аккуратно плативших ясак. Только в 1757 г., когда пожар истребил татарскую слободу, было решено, наконец, переселить татар за речку

Монастырку. Позже, при менее фанатичных архиереях, им было разрешено строить дома по русскому образцу и селиться в любом месте города» [9].

Законы Российской империи имели противоречивый характер, иногда ограничивая права мусульман. Так, в 1730 г. запрещалось строительство мечетей на расстоянии менее полутора верст от православных храмов [10]. Указ от 28 сентября 1744 г. гласил: «Татар к обращению в веру греческого исповедания как духовных и светских... в неволю никакого принуждения и озлобления отнюдь не чинить» [11]. В 1747 г. «инородцам» Сибирской губернии было позволено строить мечети на расстоянии полуверсты от каждого города [12]. И если до этого в г. Тобольске было две мечети, которые «...по духу времени и настоянию Сибирского митрополита сломаны» [13], то в 1756 г. законом утверждается право мусульман, «жительствоющих особыми деревнями», строить мечети [14].

Государство вместе с тем продолжало поощрять «инородцев», перешедших в христианскую веру. Например, по законам 1720 г. и 1731 г. новокрещенные освобождались от всех сборов и податей на 3 года [15]. Опасаясь влияния мусульман на новокрещенных татар, правительство пыталось оградить последних от «нежелательного соседства» переселяя их в другие деревни и запрещая мусульманским миссионерам под страхом смерти проводить проповеди среди «русских христиан и новокрещенных» [16]. Указом от 7 сентября 1727 г. предписывалось: «Буде кого басурман какими-нибудь мерами и насильством или обманом русского человека в свою басурманскую веру принудить и по своей басурманской вере обрежет... и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия...» [17].

Конечно, имелись случаи добровольного перехода мусульман в православие. Но, даже крестившись, татары сохраняли еще некоторые мусульманские обычаи и традиции [18]. Об этом свидетельствуют, в частности, участники научных экспедиций XVIII в. Так, И. Г. Георги, описывая туринских татар, отмечал, что они «обрезание теперь уже не употребляют, и не едят конятины, но гнушаются так, как и магометане, свиного и другими вещами, которые по Алкорану почитаются скверными. Посты же содержат по уставу то той, то другой веры. Покупают они жен по магометанскому еще обыкновению и при том, как по причине скудости народа, так и потому, при единоженстве больше невест сыскивается весьма дешево» [19]. Заметим, что участники Переписи населения в 1897 г. отмечали, что те татары, которые в XVIII в. приняли христианство и переженились на русских, не забыли родной язык [20].

Взошедшая на престол в 1762 г. Екатерина II стремилась стабилизировать состояние российского общества, сократить размах народных выступлений, поставить под контроль все группы, обладающие реальным влиянием. Убедившись в лояльности элиты, переведя противоречия между государством и мусульманами из религиозной в социальную сферу, она использует и метод уступок. На основании ее установок правительство вплотную занялось совершенствованием системы управления «инородцами». В частности, были изданы законы, предписывающие местной администрации сочетать интересы государства с веротерпимостью. Ислам был признан законной религией тюркских народов (получает статус «терпимой религии»). В 1773 г. по велению императрицы был принят указ, гласивший «... как Всевышний на земле терпит все веры, языки и исповедания, так и ее Величество ... поступать изволит, желая только чтобы между подданными ея Величества всегда любовь и согласие царствовало» [21]. В России появилась основа для становления политики веротерпимости как условия сосуществования разных идеологических воззрений.

Объявленный Екатериной II курс на покровительство ислама положил конец прежнему гнету в отношении неправославного населения. Татарское и бухарское купечество получает право торговли по всей империи, мурзы уравниваются в правах с русским дворянством, а мусульманские священнослужители получают статус указных мулл и т. д. Создается сеть религиозных и образовательных учреждений. Руководство духовными делами мусульман осуществляет Оренбургское мусульманское духовное собрание, созданное в г. Уфе в 1778 г.

Любопытно, что первым муфтием этого учреждения указом Екатерины II был утвержден уроженец Поволжья М. Х. Бурундуков, наследники которого стали известными богословами, продолжившими дело своего предка в тюменском регионе. Так, в начале XX в. И. Бурундуков (в 10-м колене родства М. Бурундукову) был имамом в соборных мечетях Тюменского и Тобольского уездов. Об этом говорит родословная, составленной И. Бурундуковым и сохранившаяся в архиве его дочери [22].

Для укрепления позиций ислама стал использоваться печатный станок – в 1787 г. выходит первое печатное издание Корана. С начала XIX в. в г. Казани начинают регулярно печатать мусульманскую литературу, попадавшую и в Сибирь. По данным А. Г. Каримуллина в 1801–1829 гг. были изданы 93 книги тиражом около 280 тыс. экз. [23]. Всего же с 1781 г. по 1917 г. в России вышли: 172 издания Корана, 191 издание подборок сур (хафтиак), более 100 изданий отдельный сур (сувар мин аль Кур`ан) [24].

Сооружение мечетей в Tobольской губернии особенно активизировалось в XIX в. благодаря укреплению веры и материального положения бухарского и татарского населения, прежде всего – купечества, выступавшего меценатами и благотворителями. При этом самовольство в строительстве мечетей не допускалось: оно осуществлялось по представлениям приходов и священнослужителей Оренбургскому мусульманскому духовному собранию с утверждения губернского правления. Необходимо было удостоверение в необходимости строительства мечети и в достаточности средств для его содержания. Полагалось соблюдать следующие условия:

1. Чтобы прихожан при мечети было не менее 200 душ мужского пола;

2. Чтобы в общественном приговоре прихожане изъявили бы согласие на содержание мечети и духовенства при ней [25].

Согласно правительственным распоряжениям мечети разрешалось строить по утвержденным образцам, наподобие православных храмов. Однако затем стали разрешать строить мечети и по другим планам, какие прихожанами будут признаны удобными. Мечети в сибирских селениях обычно строились из дерева на общественные средства: они отличались лаконичностью формы, в плане представляя собою прямоугольник. Интересными по своему художественно-выразительному облику элементами культового ансамбля являлись минареты, обычно члененные по высоте, что придавало композиции динамичность, а устремленность вверх создавала ощущение большей высоты. Интерьер мечетей также скромнен – стены, как правило, ничем не украшены за исключением изречений из Корана; полы застилались простыми половиками и, лишь изредка, коврами.

Самыми впечатляющими по своему облику были мечети в г. Tobольске и с. Ембаево (юрты Ембаевские, Улуг-Манчел). На строительство соборной мечети в г. Tobольске разрешение было получено только в 1844 г., но уже к 22 мая 1845 г. она была возведена. В с. Ембаево по проекту архитектора Б. Цинке была построена каменная мечеть, а все расходы по ее строительству взяли на себя бухарцы Сайдуковы [26].

В 1862 г. по всей территории Tobольской губернии насчитывалось 139 мечетей (в другом источнике в 1858 г. указывалось 154 мечети), из которых: 6 каменных и 133 деревянных, в т. ч.: в Tobольском округе – 51; Тюменском – 30; Ялуторовском – 15; Ишимском – 1, т. е. одна мечеть приходилась на 365 чел. по сельским местностям губернии и на 575 чел. – в городах. В начале XX в. мечети имелись почти в большинстве татарских и бухарских поселений [27].

В архивах Тюменской области сохранились прошения от религиозных общин о разрешении строительства мечетей или их ремонта,

адресованные властям. Вопрос решался по-разному: в отдельных случаях прошения удовлетворялись; в других случаях они оставались без удовлетворения. Так, татарам Уватской волости Тобольского уезда в 1874 г. было отказано в строительстве мечети в юртах Миткинских за счет указного муллы только потому, что «здесь раньше отдельного прихода не было и ревизских душ там было всего 39 чел.», хотя во многих татарских селах мечети функционировали при меньшем количестве прихожан [28].

Вплоть до установления советской власти мусульманская религия регулировала некоторые стороны жизни татар региона, начиная с семейных отношений и заканчивая гражданским, уголовным законодательством, оказывая тем самым сильное влияние на сознание масс. В сельской местности мулла был одновременно и служителем культа, и судьей, и лекарем, и учителем, и ростовщиком, и часто – единственным грамотным человеком, который мог написать письмо или прошение [29]. Это позволяло им активно выступать и в общественно-политической жизни.

Об уважительном отношении к представителям мусульманских священнослужителей и об их авторитете среди татар писал И. Юшков в «Тобольских ведомостях» еще в 1861 г.: «В Саусканских юртах Тобольского уезда к мулле такое питали уважение, что, встречаясь с ним на улице, снимали перед ним шапки за несколько сажень и низко кланялись, считая его святым, не смея перейти ему дорогу» [30].

Примечательно, что в 1877 г. по просьбе муфтия Оренбургское мусульманское духовное собрание, куда входили и общины Тобольской губернии, в российской армии были учреждены штатные должности мулл и имамов. Это означало, что защита Отечества стала делом чести и для российских мусульман [31].

Мусульманские священнослужители были представлено при соборных мечетях хатыпами или муллами, имамами и муадзинами, а при других мечетях – имамами и муадзинами [32].

Миссионерская деятельность для Русской Православной Церкви всегда являлась приоритетным направлением, а идея обращения коренного населения Сибири в православие присутствовала всегда. Не потеряла своей актуальности эта идея и во II половине XIX в.: Санкт-Петербургское Миссионерское общество обращается к Тобольскому архиепископу Варлааму по поводу устройства специальной миссии, доказывая, что: «учреждение миссии – вопиющая необходимость» [33]. Однако местное православное духовенство откладывало решение этого вопроса: не было необходимых средств

и подготовленных кадров. Как результат, по данным Н. М. Ядринцева, с 1860 г. по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, «составляющей 40 тысяч сплоченного фанатического магометанского населения», крещено было только 300 чел. [34].

Местные иерархи РПЦ справедливо полагали, что проповедь христианства может быть допущена среди мусульман только с крайней осторожностью, ибо: прежняя деятельность православных миссионеров часто заканчивалась провалом; из созданных с большим трудом миссионерских школ местное население забирало обратно своих детей; к появлению миссионеров многие «инородцы» относились недоверчиво. Склонить к крещению удавалось немногих, а с миссионерами сибирские татары вообще разговаривали неохотно, иной раз заявляя им: «переходите на нашу веру, наша вера лучше вашей» [35].

Выполняя установки руководства, сибирское православное духовенство приняло новые меры по расширению миссионерского дела в Тобольской губернии. Так, по ходатайству епископа Антония и по благословению Синода в феврале 1900 г. открывается противомусульманская миссия в г. Тобольске [36]. Этот город отныне не только административный центр губернии, но и центр миссионерской деятельности [37].

Одним из миссионеров был Е. К. Елисеев, регулярно печатавший статьи на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» и издавший на сибирско-татарском диалекте: «Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемые татарину Тобольской губернии» (СПб., 1903); «Имадеддин Столп веры» (Тобольск, 1907); «О единой истинной вере. Миссионерско-христианская апологетика» (СПб., 1910). Активной была и деятельность переводческого отдела Тобольской духовной миссии, который выпустил «Краткий русско-татарский словарь» (1904), «Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка» (1905), «Русско-татарская азбука» (1906) и др.

К миссионерской деятельности, кроме священнослужителей, привлекались крещенные татары, выпускники Казанской учительской семинарии. Свои отчеты о поездках в татарские селения они сдавали в Тобольскую противомусульманскую миссию. Там, они в частности, признавались, что их деятельность по привлечению местных татар в христианство складывается нелегко, ибо «здесь приходится иметь дело... с татарами-магометанами, фанатиками, которых убедить креститься очень трудно».

Отметим, что издаваемые представителями православного духовенства учебные пособия (с целью просвещения «неверных

инородцев») не применялись в мусульманских учебных заведениях (мектебах и медресе), а в русско-татарских школах, открывшихся в начале XX в., обучалось слишком мало татарских детей [38].

Но о тяге иных групп мусульман к просвещению, об отношении их к собственным традициям писали ученые и путешественники, побывавшие среди татар. Так, например, И. Георги в «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» сообщал, что «татары ... великое и похвальное о порядочном воспитании детей имеют попечение. Они не только приучают детей к прилежанию, бережливости и к другим прародительским обыкновениям, но пекутся еще о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере. Небрежение же о таковом наставлении поставляется родителям в великий грех, а потому и во всякой их деревушке есть особливая молебная хранина и школа...». Он же отмечал: «многие татарские мужики... в Казани, Тобольске и Астрахани имеют небольшие собрания письменных повествований ... о происшествиях, как своих собственных, так и соседских владений, да сверх того изрядное сведение о своих древностях» [39].

Действительно, у сибирских татар из поколения в поколение передавались устные предания об истории народа, о его культуре и традициях. Немногие, но владевшие арабской и персидской письменностью, татары и бухарцы читали произведения крупных ученых древности. Вот что писал в труде «Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тюменского уезда Тобольского округа» С. К. Патканов: «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем крестьян». Причем С. К. Патканов заметил: «муллы занимались обучением детей за самую ничтожную плату или даже бесплатно» [40].

Даже в татарской колыбельной песне было «спрятано» отношение старшего поколения к исламу и наукам, т. е. отражены определенные нравственные идеалы, которые передаются от одного поколения к другому:

Элли-бэлли итэр бу,
Мэдрэсэгэ китер бу.
Тыршып сабак укыгач,
Галим булып китыр бу,
Баю-баю, засыпай,
Баю-баю, засыпай,
Вырастешь, пойдешь в медресе,
Будешь стараться от души, читать молитвы.
Станешь мудрым человеком, постигнешь высшее.

Между тем в Тобольской губернии, как и в других регионах страны для татарских детей школ (по линии Министерства просвещения) не было, хотя в «Уставе об управлении инородцев», принятом в 1822 г., определено: «инородцы имеют право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от правительства учебные заведения, заводить и собственные школы».

Татарское образование находилось в ведении мусульманских священнослужителей, а сами конфессиональные школы – мектебе (начальная школа) и медресе (среднее учебное заведение) содержались на средства населения и зажиточных лиц. Возможно, существовали мектебы и ранее первого их упоминания К. Витзенем в его книге «Северная и Восточная Татария» (1692 г.), где сказано: «... имеется в Тобольске учебное заведение – принадлежит оно татарам, обучают там Корану и торговле» [41].

В «Историко-статистическом очерке о народном образовании в Тюменском округе» в 1897 г. указывалось: «для образования инородческого населения, составляющего 22, 7 процента общего числа волостей, или 16 проц. общего числа населения округа, до сих пор мер никаких не принималось не только для насаждения русской, но и правоверной грамоты. Чтобы получить должность муллы инородцы вынуждены держать экзамены при уездных училищах. В русских училищах обучается в настоящее время только один инородец – в Луговском училище и хорошо читает по-русски».

По данным Тобольского губернского статистического комитета в конце XIX в. из 275 татарских поселений в 63 были мектебе или медресе (назывались они мусульманскими училищами)» [42]. Мектебы обучали детей арабской грамоте и сообщали им основы исламского вероучения. Функционировали они, как правило, при мечетях, а учителем в них был мулла (девочек обучала жена муллы – муллина, абыстай). Учеба не ограничивалась какими-либо сроками, т. к. из класса в класс учащиеся не переводились. На занятия ученики приходили, когда хотели, и уходили также по своему усмотрению. Поэтому в отдельных мектебах в одной группе обучались дети от 8 до 16 лет, а общее число учащихся определить невозможно. Не было ни типовых зданий, ни учебных и наглядных пособий. Об условиях работы мектебов в Ялуторовском округе в 1895 г. говорилось: «в Авазбакиевской волости учебные занятия в восьми школах проходят в частных домах, а в Сингульской (в семи школах) – в домах, устроенных на средства сельских обществ. О пригодности этих домов для школ, с точки зрения санитарных требований, трудно сказать. Об их размерах, кубатуре, светоосвещении данных нет.

Классной мебели в этих училищах нет, учебные занятия проходят на ИнарахI» [43]. О том, как создавалась и работала подобная школа в д. Епанчино в начале XX в. рассказывал Я. К. Занкиев [44].

Медресе было немного – к концу XIX в. только 30. Они, как и мектебы, создавались по инициативе и на средства зажиточных людей. Например, открытое в 1841 г. в юртах Ембаевских медресе до 1871 г. содержалось за счет Габдельниязова, затем перешло к братьям Сайдуковым, благодаря которым была создана прочная материальная база: кроме помещений для учебы имелись гостиница, столовая, медпункт. Бывая по торговым делам в гг. Казани, Ташкенте, Москве, Стамбуле купцы Сайдуковы закупали книги, заложив тем самым фундамент для первой национальной библиотеки, насчитывающей 1100 книг и рукописей. Для проведения занятий по отдельным предметам Сайдуковы в медресе приглашали преподавателей даже из г. Стамбула. Медресе пользовалось хорошей репутацией, а его выпускники стали квалифицированными учителями.

Появилась и система образования для девочек. Так, в 1896 г. в Кашегальской волости Тюменского уезда обучалось 230 мальчиков и 250 девочек. В Тобольской городской инородной волости насчитывалось 17 мектебе где, кроме 316 мальчиков, училось и 140 девочек [45]. В Карагайской волости Тобольского округа в 1904 г. обучалось 260 учащихся обоего пола [46].

Говоря о дореволюционном мектебе как учебном заведении, не следует считать, что здесь все сводилось к бессмысленной зубрежке догм шариата – подготовка была довольно многосторонней. Там преподавался «Фариз» (деление), включавший в себе, кроме первоначальных математических сведений, правила о разделе наследства по предписанию шариата. Изучались также синтаксис арабского языка, четыре действия арифметики, давались сведения о браке, барыше, о закладке вещей и т. д. Для общего развития и нравственного воспитания в мектебе и медресе большое значение имели произведения средневековых писателей, мифологические рассказы.

Прогрессивное реформаторское движение в жизни татар – джадидизм в конце XIX–начале XX вв. охватывал и мусульманское население Сибири. Джадидизм органично утверждал неразрывную связь ислама с просвещением и наукой, а в политической сфере – с демократическими и даже социалистическими идеями. Джадиды выступали за развитие искусства и литературы, за расширение роли женщины в обществе, за реорганизацию деятельности священнослужителей и т. д. Первоначально джадидизм получил распространение в Тобольской губернии в области просвещения с помощью привозимых

книг и благодаря выпускникам учебных заведений Поволжья и Приуралья, ставших преподавателями в медресе и имамами в мечетях.

Под влиянием идей джадидизма трансформировалось исламское образование региона. В конце XIX в. в джадидских (новометодных) мектебах и медресе Тобольской губернии (юрты Ембаевские, Саусканские, Турбинские, Тоболтуринские, Кызылбаевские и др.) были: установлен твердый учебный год; осуществлен переход к классно-урочной системе преподавания; шакирды разделены были на классы; заведены учебные программы. В отличие от старометодных татарских школ, в которых русский язык не допускался, в новометодных он был введен как обязательный предмет. В мектебе и медресе, кроме изучения религии и богословских наук, в программу вводятся общеобразовательные предметы: история, география, физика, математика и т. д. В новометодных мектебах ввели светские предметы и для девочек, которым давали некоторые сведения по медицине, санитарной гигиене. Женщины-старожилы вспоминали, что в г. Тюмени в помещении на втором этаже обучались юноши, а на первом – девочки-татарки [47].

В мектебе и медресе использовались и произведения местного просветителя М. Юмачикова, писавшего на татарском, фарси и арабском языках. В одном из стихотворений М. Юмачиков прославляет купцов – братьев Сайдуковых. В баите об Ирбитской ярмарке им осуждалось антиобщественное поведение отдельных торговцев. Юмачиков перевел на казахский язык дастан Хисама Кятиба «Джумджума – султан».

Благодаря джадидам произошел прорыв и в активности женщин-мусульманок. Достаточно сказать, что стихи поэтессы из Томска Б. Х. Ниязи были очень популярны в крае. Учителя-джадиды инициировали первые театральные постановки на татарском языке, способствуя духовному развитию и расширению культурного кругозора мусульманского населения.

Однако прогрессивная деятельность джадидов, как и созданные ими новометодные мектебы встретили ожесточенное сопротивление со стороны консервативной части мусульманского общества, увидевших в этом угрозу ослабления религиозно-нравственного воспитания и причину обрусения молодежи. Это выразилось в конфликте 1913 г. между «старыми» и «молодыми» (джадидами) муллами, о чем сообщал «Тобольский церковный листок» [48].

Между тем, идеи джадидизма:

1. оказались созвучны чаяниям значительной части местного татарского населения (особенно в среде купечества), придав еще больший динамизм шедшим здесь общественным процессам;

2. вызывали беспокойство у царского правительства, которое боялось культурного и социального «прозрения» нерусских народов.

Давая оценку реформаторам, А. Беннигсен писал: «... именно благодаря их деятельности, плохо известной на Западе и игнорируемой самими мусульманскими историками, ислам перестал быть препятствием к прогрессу, и был очищен путь к реформам в других областях: языка, просвещения и политической организации» [49].

В начале XX в. в России начался процесс политизации ислама. Мусульманские организации активно участвовали в общероссийских социально-политических процессах, предъявляя, правда, лишь требования равенства. В сибирском регионе, где не было подобных движений, общественная деятельность служителей мусульманского культа, национальной буржуазии и интеллигенции не выходила за рамки религиозных, экономических и просветительских вопросов.

После Февральской революции 1917 г. вместе со всей страной мусульмане Сибири ожидали от Временного правительства демократических реформ. Как следствие – муфтий Оренбургского мусульманского духовного собрания подписал обращение ко всем ахунам, хатыбам и имамам с призывом поддержать новую власть, внушая прихожанам «разумными проповедями о долге каждого из них служить Родине верой и правдой, оказывать всякую ей возможную помощь всеми способами...» [50].

Обстановка, складывавшаяся в стране после свержения царизма, открывала возможности для реализации идей политического и социального обновления. Тем более, что Временное правительство все-таки предприняло определенные шаги, направленные на отмену наиболее жестких ограничений в области религиозной свободы [51]. В частности, 20 марта было принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», где провозглашалось равенство граждан в социально-экономической и политической областях вне зависимости от вероисповедания, отменялись десятки статей из уголовно-административного законодательства, ограничивавших права населения по вероисповедному признаку.

Однако правительство проводило религиозную политику вяло, без какой-либо стратегии. Замысел правительства продемонстрировать приверженность идеям равенства религий; партнерство государства и конфессий; невмешательство госорганов во внутренние дела общин. Отказ от жесткого диктата государства не подкреплялся практически делами, а на деле зависимость церкви от государства и первенство православия оставались без изменений [52]. И все-таки заслуживает внимания еще акт Временного правительства – постановление «О свободе совести», где демонстрировалось право граждан на вероисповедание. Но на фоне требований масс эти меры уже выглядели половинчатыми.

В среде представителей религий все чаще развивается обновленческое течение, звучали требования обеспечения на практике равенства религий, освобождения верующих и приходов от опеки «религиозной верхушки» и т. д.

Подводя итог обзору истории ислама в Сибири в дооктябрьский период, можно сказать:

1. Ислам для татарского населения был и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные стороны бытия. Эти нормы легли в основу массового сознания населения, а также общественно-политических представлений татарской интеллигенции. Мусульманские мектебы и медресе, существовавшие практически во всех селениях, помогали распространению грамотности среди населения и формированию его мировоззрения.

2. В отличие от других регионов страны (Средняя Азия, Поволжье, Приуралье) ключевые институты ислама как религиозной системы в сибирском регионе не были достаточно развиты. Недостаточная развитость экономических принципов существования мусульманской общины, в т. ч. института вакфов, сохранение реликтов доисламских верований (язычества, шаманства) являлись особенностями ислама в Сибири.

Библиографический список:

1. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV, 1905. С. 18–22.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., Т. 1. С. 198–199.
3. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 24.
4. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV, 1905. С. 25–26.
5. Елисеев Е. Учреждение противомусульманской миссии и Тобольской губернии. СПб., 1902. С. 5.
6. Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. II. С. 34.
7. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Казань, 1993. С. 173–174.
8. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 26. Л. 1031; Д. 38. Л. 1–11.
9. Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П. Тобольск. Свердловск, 1969. С. 48–19.
10. Щеглов И. Б. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут, 1993. С. 105; Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар. Тюмень, 2002. С. 145.
11. ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4726. Л. 38.

12. Щеглов И. Б. ... С. 157.
13. Там же, С. 164.
14. Там же, С. 118.
15. Там же, С. 131.
16. Бакиева Г. Т. ... С. 145.
17. ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4719. Л. 6.
18. Бакиева Г. Т. ... С. 147.
19. Георги И. Г. Описание всех в российском государстве обитающих народов. Ч. II. СПб., 1799. С. 8.
20. Гарифуллин И. Б. Татарская школа Тюменской области: прошлое и настоящее. Тюмень, 1998. С.8.
21. Полное собрание законов российской империи. Т. XIX. № 13996. СПб., 1830. С. 775–776.
22. Марджани Ш. Мустафад Аль-Акар ФИ Ахвали Казань Ва Булгар (Источники по истории Казани и Булгара). Казань, 1989. С.211.
23. Набиев Р. А. Ислам и государство. Казань, 2002. С. 44.
24. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 50–52.
25. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о иагометанских учебных заведениях. Казань, 1898. С. 260–261.
26. Валеев Ф. Т. Мечети в Сибири // Мирас. 1994. № 9. С. 142.
27. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2001. С. 44.
28. Бакиева Г. Т. ... С. 152.
29. Тобольские губернские ведомости. 1861. № 37.
30. См.: Общероссийская независимая газета. 2003. № 16(24).
31. Бакиева Г. Т. ... С. 148.
32. ГАТО. Ф. И-79. Оп. 1. Д. 1. Л.8.
33. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 261. Л. 25.
34. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом и историческом отношении. СПб., 1882. С. 115.
35. Софронов В. Ю., Сафкина Е. Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской Епархии // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», 9-11 декабря 2002. Омск–Тобольск, 2002. С. 225–233.
36. Елисеев Е. Учреждение противомусульманской миссии и Тобольской губернии СПб., 1902. С. 5.
37. Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. С. 167.
38. Гарифуллин И. Б. Татарская школа ... С. 10.
39. Георги И. Г. ... С. 11-12.

40. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Вып. XII. Ч. II. СПб., 1891.
41. ГАТО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 19. Л. 24.
42. Гарифуллин И. Б. Татарская школа ... С. 10.
43. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895.
44. Занкиев Я. К. Что дала д. Епанчино Советская власть? Тобольск, 1959.
45. ТФ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.
46. ТФ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 4.
47. Гарифуллин И. Б. Татарская школа ... С. 14.
48. Ярков А. П. Джадидизм в Западной Сибири: попытка культурологического анализа // «Сулеймановские чтения–2003»: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2003. С. 142.
49. Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983. С. 17.
50. Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар. Тюмень, 2002. С. 149
51. Набиев Р. А. ... С. 69.
52. Там же. ... С. 70.

Е. А. Голуб, С. П. Пургин

АНАЛОГИЯ ХУДОЖНИК – ТВОРЕЦ В ИСКУССТВЕ ПАУЛЯ КЛЕЕ

Аннотация. В статье на примере творчества Пауля Клее исследуется вопрос о соотношении художественного и религиозного в искусстве XX столетия. Является ли сопоставление труда художника с божественным творением, которое мы находим в теоретических работах Клее, литературным сравнением или аналогией в аристотелевском смысле (равенством отношений)? Отвечая на этот вопрос, авторы выходят за рамки теоретических деклараций к анализу его творчества. При этом оказывается, что художественные принципы Клее приложимы к пониманию творческой судьбы самого мастера.

Ключевые слова: Искусство Пауля Клее, религиозное, художественное, движение, формирование и форма, сравнение и аналогия.